

Год кончался, а снега всё не было. Погода стояла слякотная, холодные ветры дышали сыростью, декабрьская темнота делала световой день ещё короче. Ближе к концу месяца посыпал долгожданный снег, но ненадолго. Зато в начале нового года пошли с небес обильные снегопады. И побежала зима по земле, бережно укутывая её белым покрывалом. Я, соскучившийся по снегу и свежему воздуху, несмотря на запрет столичных властей в связи с коронавирусной заразой сидеть дома, достал с балкона лыжи, взял маску, перчатки, и минут через сорок был на Ярославском вокзале. В железнодорожной кассе купил билет на электричку, поскольку дорожную карту столичная мэрия заблокировала, и отправился за город. Сойдя с электрички на станции Хотьково, я был уже в лесу. Зябкий ветер раскачивал верхушки деревьев, пробегал по просекам. Пробираясь на лыжах меж обнажённых до наготы берёз, лип, и клёнов, выехал к молодым дубкам, почти полностью сохранившим листву. Убитая морозом, облиная, она безжизненно шелестела на ветру. Но как не трепал её настырный ветер, не слетала. Какая-то сила упрямо удерживала её на ветвях. Только весна сбросит листву на землю. Таков закон природы.

Сверху, с деревьев, сыпались снежинки. Я подставлял ладони, ловил их, а снежинки падали, падали, падали... И были они разные. Одни походили на звёздочки, другие – на пшеничную крупу, третьи казались зёрнами. Были среди них и многогранные столбики, и остроконечные иглы, и похожие на ежей. Сначала я оторопел, увидев такое. Осторожно рассматривая на ладони снежинку, заметил, что она состоит из десятков сросшихся ребристых пластинок. Вот, какая оказывается мастерица зима! Столько чудесных изделий может сотворить и удивить ими.

Взмахнув палками, поехал вперёд, проваливаясь в невидимые каналы, спотыкаясь о пеньки срубленных деревьев и их, к моему сожалению, было много. Не заметил как оказался в овраге. Цепляясь за кусты, выбрался на широкую поляну, на белое раздолье, от которого захватывало дух. Свежий воздух бодрил.

– Эй-й-й! – прокричал я громко.

Эхо огласило лес и понесло его над уснувшими деревьями, куда-то вверх, откуда вдруг улыбнулось солнце. И вспыхнули огоньками снежные звёздочки на ветвях сосен, стволы их зарумянились, и между еловых крон показалось голубое небо. Солнечные лучи скользили по холодному лицу, душа засветилась радостью, чувствуя в себе прилив сил. И враз забылся коварный и зловещий коронавирус, эта страшная зараза,

оседлавшая нашу планету и косящая насмерть людей. Откуда только этот вирус взялся, кто его на нас напустил, изолируя в квартирах, чтобы мы никуда не ходили и сидели тихо-мирно? Что это за социально-психологический эксперимент?

Я приподнял глаза кверху. Там, в ветвях столетних елей резвились голубые белки, лакомясь семенами еловых шишек. Мягкий снег осыпался на голову, попадал за ворот куртки, но я не уходил и радовался за красивых зверьков, что они нашли себе нужный корм. Невольно подумалось, что птицы-то употребляют натуральную пищу, без всяких искусственных добавок. Теперь ещё вирус. Ситуация создалась не простая. Миллионы людей сидят без работы, их предприятия обанкротились, и, стало быть, они остались без средств к существованию. Вот какая беда свалилась на человека.

Раздумья мои спутал упавший сверху за ворот пухлый комок снега. На верхушке ели, возле которой я стоял, копошились птицы. Скворцы? Но те улетели на юг. В лесах средней полосы России они на зиму не остаются. Птицы крючковатым клювом выклёвывали из висячих гладких шишек смолистые семечки.

«Кле-цок, кле-цок, кле-цок...» – доносилось с дерева. Тут же к моим ногам упала шишка. Птица вспорхнула за ней, но испугавшись, видимо, меня, снова взлетела на верхушку. Была она жёлтозелёная. Рядом с ней сидела красная. Да это же клесты-еловики! Они ловко засовывали клюв под чешуйки, отгибая их в сторону. Через мгновение семечки оказывались в клюве птиц, а оторванные чешуйки парашютиками плавно опускались в снег.

Через несколько минут птицы перелетели на другую ель. Склюют семечки, полетят дальше. Будут они кочевать с ели на ель, из одного леса в другой, задерживаясь там, где больше шишек...

Качу дальше. Поляны сменяются перелесками, попадают просеки и вновь большие вырубки, отчего стало не по себе. Это же лес — наша зелёная защита, он выделяет кислород, которым мы дышим и за счёт которого живём. Поэтому и смотрю с щемящей грустью на небеса порой полночной, терзаемый людскими несчастьями. Может, и этот страшный вирус вольготно почувствовал себя на Земле из-за того, что люди так загадили её и загрязнили воздух. Вот и меняется климат, появляются новые вирусы, неся смертельную угрозу человечеству.

Постояв в горьких раздумьях у одного кряжистого пня, покатил дальше. Лыжи шуршат мягко, глубоко распахивая снег. Глаз привык к белому миру, а давно ли здесь гудел зелёный шум, пахло грибами и хвоей, не смокало птичье пение. Вон там, в овражке, звенел ручей, вытекающий из родника. К нему вела тропинка, здесь я бывал летом, и по ней пробирался к источнику сквозь кусты. Но сейчас всё замечено снегом, тропинки не виделось. Только видны следы: впереди две ямки рядом, за ними ещё две друг за другом. Дальше ямки повторяются в той же последовательности – две рядом, две другие за ними. Это оставил заяц-беляк. Не первый раз я в лесу, изучил почти все следы местных зверей. Судя по свежему следу, пробежал косой недавно. В рыхлом снегу проваливался не глубоко, хотя передние ямки больше задних. И можно подумать, что бежал здесь не зайчишка, а какой-то другой, более крупный зверь. Вдруг послышался шорох. Я замер, в надежде увидеть косоного, но стояла тишина, какая случается летней ночью в глухой деревне. И всё же я не терял надежды, продолжая двигаться по зайчьему следу, который спустился вниз, и снова метнулся по склону вверх, задержался в кусте орешника, выбрался из него, побежал между голенастыми берёзами. У осины след остановился. Тут заяц сидел и глодал кору. Подкрепившись, отправился к обочине лесной дороги.

Но что это за ямки? След совсем не похожий на первоначальный. Всё перепутано и не поймёшь, куда побежал заяц: назад или вперёд. Так он маскирует свой след, так «вздвоил», что не сразу и догадался, что заяц

сначала повернул назад по своему следу, потом прыгнул в сторону. След снова заскакал, опять вернулся, и вдруг... пропал. Вот это да?! Средь бела дня на белом снегу. Продолжая искать след косоного, с трудом разглядел в стороне от первого следа ямки. Вон куда прыгнул заяц! Интуиция подсказывала, что залёг он близко. Не зря же сделал большой скачок в сторону. Заяц всегда так делают, когда хотят лечь, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения. И ложатся они со скачка. Хитёр зверь! Этим и живёт.

Гляжу в оба. Двигаюсь осторожно. Предательски хрустнула под лыжами ветка, за ней – вторая, слегка запорошённые снегом, да и куст, который я было объехал, зашуршал, как ёж бумагой (одно время я держал этого доброго зверька дома, знаю). Где же мой заяц? Исчез, как в воду канул. Ямка, в которой он только что лежал, оказалась пустой. От неё гонный след скакал через поляну. Мне за ним, четырёхногогим скакуном, было не угнаться, и я, подъехав к берёзе, остановился, вытер платком вспотевший лоб. Раздвинул в стороны руки, и вздохнул полной грудью. На душе было легко и спокойно, лес изгонял всякую хандру и усталость, восстанавливал силы, ослабленные от вынужденного карантина. Что ж, меры предосторожности в донельзя переполненной людьми столице необходимы. Зато здесь простор, вокруг ни души и дышится легко. Солнце неяркое и бледное, как полотно, серебрило берёзовые серёжки, и высвечивало на снегу заледеневшие пни, образовавшиеся, видно, ещё летом. Воткнул палки в небольшой холмик, укрытый не очень плотным блестящим белым одеянием зимы, и только было поднёс руку к глазам, чтобы поправить очки, как тут же спохватился. Палки я воткнул в муравейник. К счастью, железные пики бамбуковых палок его не потревожили. Муравейник, который дружно оберегал летом здоровье леса, продолжал спать крепким сном, а я поехал дальше лесной опушкой.

И вскоре ощутил запах дыма: невдалеке виднелся дачный посёлок с добротными и не в один этаж каменными особняками за высокими глухими заборами. Таких посёлков на моём пути попало уже два. Видимо ради них и вырубается лес. Конечно, дачи нужны, но не в ущерб лесу. Сколько в нашей стране безлюдных пространств, покинутых сёл и деревень – не счесть. Вот там и надо обустраиваться. Так нет, люди, оголяя Россию, оставляя свои обжитые места на запустение, едут в столицу, и превращается она в разношёрстный муравейник. Говорят, едут в поисках хоть какой-то работы, которой нет там, да комфортного жилья. Оставленные русские пространства и так уже заселяются чужестранцами. В самой Москве коренное её население замещается с лихвой пришлыми, с другой верой, обычаями, нравом и правилами поведения.

А лес молчаливо стоял и слушал моё непонятное ему сердитое бормотанье. И не понимал. А возможно, понимал нашу жизнь по-своему, и чувствовал, что творится в ней что-то плохое, вредное для человека. Действительно, зелёное богатство России исчезает на глазах. Спасти лес могут только честные и совестливые работники, которые его любят и преданно ему служат, не предадут зелёного друга ради денег. Лес тоскует о былых лесниках. Для коммерсантов он стал сырьём — деревья, по их куцему мышлению, леса растут только для того, чтобы быть спилёнными и пойти на стройматериалы. Им невдомёк, что без леса мелеют реки, исчезают звери, земля превращается в безжизненную пустыню. Но арендаторов это не касается. Их дело пилить и продавать, да карман свой набивать, и не думать об экологии. Для них «природа — не храм, а мастерская», где «человек лишь только работник».

Да, в наши леса пришла страшная беда. Бригады чёрных лесорубов нещадно их вырубают, специально поджигают, прикрывая своё хищничество. Вот что пришло к нам с принятием печально известного «Лесного кодекса». Я тогда, когда его приняли, подумал, ну, всё — пришла беда — отворяй ворота. И как в воду глядел. Цифры нелегальной заготовки древесины огромны. Исчезают заповедные деревья, занесённые в «Красную

книгу России): реликтовые сосны, сибирские кедры, карельские берёзы. И жадные до денег люди остаются безнаказанными.

Правда, недавно наш президент озаботился сохранением леса, и дал соответствующее указание своим подчинённым по наведению порядка в лесной отрасли. Много было разных властных указаний, да только мало или совсем они не выполнялись. Вот и с лесом президентское указание может так же остаться на словах да бумаге. Как говорится в басне Крылова: «А Васька слушает, да ест». Ведь заготовка древесины — высокодоходный бизнес, подготовивший коррупционные связи. И исчезает на глазах на Дальнем Востоке и в Сибири тайга. Китайцы вывозят вагонами наше природное богатство, древесину, к себе на родину. Делают из древесины разные изделия, бумагу и продают нам же в два раза дороже, чем заплатили за вывезенное от нас.

Так же поступает и Финляндия, существенно увеличивая свой бюджет за счёт ввоза из России дешёвого лесного сырья. Сами финны свой лес берегут, нетронутые лесные уголья расстилаются здесь повсюду. Видел, когда пришлось побывать здесь, поднимаясь по заросшим деревьями горным склонам. Красота необыкновенная! Глядишь, и дух захватывает от зелёных массивов с озёрами. Рубка леса в стране проводится только для внутрихозяйственных целей. Древесиной на сторону не торгуют, берегут рощи и боры, строго охраняют. А там, где произошла вырубка, лесная плантация бережно восстанавливается, делается это умело, похозяйски. Тоже самое происходит и в Канаде...

Да что там говорить, душу свою бередить. Вокруг российских городов скоро может не остаться зелёного пояса, и задохнутся они из-за недостатка кислорода. Серьёзная угроза висит над известным «зелёным поясом» Москвы. В подмосковных лесах, где ныне хозяйничают частники, возводятся строения. Сказочный и знаменитый Лосиный остров вырублен наполовину, а это лёгкие Москвы. Встают здесь огромные терема и особняки столичной знати, чиновников. Никаких запретов для них нет. В других местах Подмосковья безумная вырубка деревьев и строительство жилых, хозяйственных зданий образуют страшную тесноту и людскую скученность, что уже видно на дорогах. Если такое будет продолжаться, то по экологии Москвы будет нанесён катастрофический удар.

И это небрежение к природе происходит повсюду. И на моей родной Нижегородчине вырубаются леса, отчего мелеют и пересыхают реки, питающие матушку-Волгу. Горько стало, когда недавно побывал здесь, на своей малой родине. Место было живописное, а теперь не узнать. Поля заросли сорняками, шире стали овраги, а в двух километрах от родного села, которого уже нет, но оно было многоголосым и большим, у самой опушки небольшого леса вблизи реки Сундовик, впадающем около областного города Лысково в Волгу, раскинулась огромная европейского масштаба свиноферма. Никакие протесты против не возымели действия. Да и кому было протестовать, если сельская жизнь нарушена и крестьянина не стало.

Передо мной с ветви сосны сорвался большой ком снега, выводя из не сладостных раздумий. К жилью летели и красногрудые снегири, запах дыма манил птиц. Голодно им сейчас, как и всем птицам, зимующих в родных краях. Вот и летят ближе к человеку, помощи и корма ждут от него. Ведь сколько лет и даже веков живут вместе, порой страдают от него, а всё равно летят к человеку, надеясь, что он не прогонит их — покормит в неблагоприятную для них пору, спасёт от бескормицы.

Вдруг чуть ли не из-под ног выскочил заяц и пустился наутёк. Тот это был или другой, и куда он поскакал? Я его не тревожил, пришёл в лес без ружья. Эх, косой, трусишка. А может, совсем и не трус. Просто надоело ему сидеть да скрываться, вот он и поскакал куда глаза глядят. Быстрые ноги несли беляка. Прыгая, заяц выбрасывал вперёд длинные задние ноги, невольно обгоняя передние. Вскоре он исчез из виду, а я поехал дальше. Скольжение было хорошее. Лыжи пели, вторила им свет-

лая бодрая песня зимнего леса. Лёгкие аккорды обнажённого березняка сменялись торжественными звуками бело-зелёных елей, которым подыгрывал басовитый дуб. Звуки росли и ширились, сливаясь в общий хор самодеятельного лесного ансамбля. Увлечённый слушанием этого хора, прославляющего жизнь, и сказочной красотой деревьев, не заметил, как оказался в глухой заросли. Дальше двигаться на лыжах нельзя, и я взял их в руки. Я проваливался, спотыкался о коряги и корни, засыпанные снегом, о поваленные ветром деревья, застревал в колючих кустах шиповника, который больно царапался и даже порвал одежду. Но одолеваемый интересом увидеть что-то ещё, возвращаться назад не думал. Разве можно уходить из этой сказки, от высоких тёмных елей, с широких ветвей которых падали и падали серебряными звёздочками снежинки, осыпаемые белками, или порхающим меж стволами деревьев дятлом, который вряд ли когда сидит без дела.

Лесная красота манила и привлекала, и уходить от этого интересного, любопытного, не хотелось. Мы слишхом и так засиделись по домам, обставились обогревателями, каминами, прочими премудростями цивилизации, стали рабами телевизионной болтовни и компьютерной техники, и не замечаем истинного, настоящего в нашей жизни. Не слышим, как душевно поют дрозды, сто метров ленимся пройти пешком, ломимся в переполненный транспорт, перестали удивляться жизни. А она всё же прекрасна!

Чем дальше в глушь я забирался, тем становилось темнее, лес наполнился резкими звуками. Нет-нет, да появится можжевельник с чёрными ягодами, то тонкая осина, устремлённая ввысь... Вдруг перед глазами выросли лоси, поедавшие ветки деревьев. Я замер, боясь пошевелиться. Ведь встреча с ними может закончиться печальным исходом. Так и стоял, как вкопанный, боясь выдать себя. А красавцы лоси продолжали хрупать ветками, словно сухарями, не замечая меня. Голодно им в зимнем лесу. Больше десяти килограммов пищи в день требуется на каждого, и её надо добыть.

Вскоре, налюбовавшись лосями, я стал медленно, а потом всё быстрее уходить, чтобы не спугнуть сохатых. Когда отошёл от них на приличное расстояние, услышал над головой песню клеста, сидевшего на вершине огромной ели. Посмотрел вверх, но птицу не увидел. Зато повезло увидеть в развилке, почти у самого ствола, большое, как мешок, гнездо, припорошённое снегом. Там в тепле, на сухом мху, сидела сейчас на яйцах клестиха. Эти красногрудые птицы единственные, кто выводит птенцов зимой. Песня смолкла, и вскоре у гнезда показался сам клест с еловой шишкой в клюве, полной семян, которыми он сейчас накормит свою дорогую подругу.

Постояв ещё немного, я осторожно удалился от ели, довольный тем, что впервые удалось увидеть гнездо этих птиц, сделанное с любовью, как могут творить только настоящие мастера, и счастливый, увиденной чарующей зимней сказкой леса, посаженного и оставленного нам нашими отцами и дедами, покатыл своей дорогой к станции. Сгустились сумерки, надо возвращаться домой.

На перроне толпились люди, кто был в масках по самые глаза, у кого-то она висела на подбородке. Я невольно сунул руку в карман, чтобы достать свою. Оглянувшись на лес, из которого только что вышел, и увидел или это лишь показалось, деревья, как бы прощаясь, качнули своими ветвями. И в ту же минуту словно послышался неведомый голос: «Оставайся самим собой, ты в ответе за свою судьбу и свою землю. Страх ослабляет психику, это открытая дорога вирусам и болезням. Живи с Богом и радуйся, что живёшь. Бодрога духом и штык не берёт...»

С этими мыслями, улыбнувшись, я и вошёл в вагон подошедшей электрички.